

Голубинский Е. Е. [К нашей полемике со старообрядцами:] Ответ о. протоиерею И. Г. Виноградову // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 8. С. 315–326 (2-я пагин.).

Отвѣтъ о. протоіерею І. Г. Виноградову.

Отказаться отъ какого нибудь научнаго мнѣнія, которое было твердо содержимо, горячо защищаемо и долгое время проповѣдуемо, конечно, не особенно легко и не весьма пріятно. Но случается, что относительно подобнаго научнаго мнѣнія находятъ новыя данныя, изъ которыхъ оказывается, что оно было ошибочно. Что остается тогда дѣлать? Какъ это ни тяжело и какъ это ни непріятно, остается разстаться съ мнѣніемъ, потому что упорствовать въ защитѣ того, чтò оказывается ошибочнымъ, было бы дѣломъ страннымъ и напраснымъ. Въ нашей полемикѣ съ старообрядцами сейчасъ указанное нами случилось съ мнѣніемъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, и однако полемисты наши противъ старообрядцевъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, не хотятъ сдѣлать того, чтò надлежало бы сдѣлать, т. е. не хотятъ отказаться отъ мнѣнія, которое оказывается ошибочнымъ.

Полемистами противъ старообрядства принимается, что употребляемое нами-православными троесперстіе древнѣе употребляемаго старообрядцами двоесперстія. На самомъ дѣлѣ оказывается, что это не такъ, — что наоборотъ двоесперстіе старѣе троесперстія. Въ моей статьѣ „О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія“, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за прошлый годъ, я указалъ къ прежде извѣстнымъ свидѣтельствамъ въ пользу того, что двоесперстіе старѣе троесперстія, еще одно свидѣтельство, которое окончательно рѣшаетъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Прежде извѣстныя свидѣтельства можно было понимать такъ, что двоесперстіе находилось въ упо-

требленіи ранѣе троесперстія только на востокѣ Греціи—въ патріархатѣ антиохійскомъ, а что на западѣ—въ патріархатѣ константинопольскомъ издавна находилось въ употребленіи троесперстіе. Я указалъ свидѣтельство, которое ясно говоритъ, что и въ Константинополѣ двоесперстіе употреблялось ранѣе троесперстія, изъ чего будетъ слѣдовать, что во всей греческой церкви двоесперстіе предшествовало троесперстію. Противъ вновь указаннаго мною свидѣтельства и написалъ о. протоіерей Виноградовъ возраженіе, помѣщенное въ 9-мъ № „Братскаго Слова“ за нынѣшній годъ.

Указанное мною новое свидѣтельство относится ко второй половинѣ XII вѣка. Императоръ константинопольскій Мануилъ Комнинъ завязалъ сношенія съ армянскимъ католикомъ (патріархомъ), въ надеждѣ устроить соединеніе между православными и армянами. Для переговоровъ императоръ посылалъ къ католику одного ученаго монаха, по имени Θεορίαν. Θεορίанъ, два раза ѣздившій къ армянамъ, въ 1170 и 1172 г., самъ описалъ собесѣдованія о вѣрѣ, веденныя имъ съ армянами во время обѣихъ поѣздокъ. Въ описаніи собесѣдованій второй поѣздки мы и читаемъ у него слѣдующее: разъ во время бесѣды всталъ одинъ сирскій священникъ (разумѣется священникъ сирскихъ яковитовъ, которые, будучи такими же монофизитами, какъ и армяне, участвовали въ переговорахъ, для каковой цѣли яковитскій патріархъ прислалъ къ армянскому католику епископа со священниками) и обращаясь къ нему—Θεορίану сказалъ: „для чего вы изображаете крестное знаменіе двумя перстами? Не раздѣлены ли между собою персты, какъ особые одинъ отъ другаго? слѣдовательно, по вашему раздѣлены и два естества Христовы (мысль та, что если признавать два отдѣльныя естества, не содѣлавшіяся единымъ естествомъ, какъ учили монофизиты, то пужно будто-бы признавать и два лица, что будетъ несторіанствомъ). Θεορίанъ (въ отвѣтъ на это) сказалъ: не знаменуя два естества Христовы такъ дѣлаемъ мы, но“... и пр. (дальнѣйшее ниже).

Что можетъ быть яснѣе этого свидѣтельства? Человѣка, посланнаго константинопольскими императоромъ и патріархомъ, представителя константинопольской церкви, спрашиваютъ: „для чего вы изображаете крестное знаменіе двумя

перстами“: не совершенно ли безспорно, что вопросъ значить: для чего вы, константинопольскіе греки, изображаете крестное знаменіе двумя перстами, и можно ли понимать его какъ нибудь иначе? Но не желающій отказаться отъ прежняго мнѣнія о. протоіерей Виноградовъ находитъ, что свидѣтельство вовсе неясно и что оно вовсе будто бы не доказываетъ того, что у константинопольскихъ грековъ во второй половинѣ XII вѣка было господствующимъ двоеперстіе. Однако, совершенно яснаго не могъ же превратить о. протоіерей въ совершенно или сколько нибудь неясное, а потому и доводы его противъ приведеннаго мною свидѣтельства отличаются полной несостоятельностью.

Прежде всего о. протоіерей обвиняетъ меня, будто изъ приводимаго мною свидѣтельства я дѣлалъ неправильное заключеніе, а именно—будто я, нарушая извѣстное логическое положеніе, что отъ частнаго не дѣлается заключенія къ общему, заключаю изъ приводимаго мною свидѣтельства, что „не только въ Константинополь, но даже и у всѣхъ грековъ повсюду сохранился общій обычай для крестоизображенія слагать только два перста“. Но о. протоіерей взводитъ на меня обвиненіе совсѣмъ несправедливое. Я дѣйствительно дѣлаю заключеніе, что во второй половинѣ XII вѣка и ранѣе двоеперстіе было повсюднымъ и общимъ у грековъ, но дѣлаю заключеніе вовсе не изъ одного приводимаго мною новаго свидѣтельства, а изъ совокупности всѣхъ свидѣтельствъ о двоеперстіи или изъ соединенія приводимаго мною свидѣтельства съ прежде извѣстными свидѣтельствами. Относительно прежде извѣстныхъ свидѣтельствъ о двоеперстіи, при желаніи защищать древность троеперстія, можно было настаивать на томъ толкованіи, что въ нихъ разумѣется не вся греческая церковь, а только восточная ея часть, — патріархатъ антиохійскій, а относительно части западной, — патріархата константинопольскаго, оставалось возможнымъ утверждать, что въ немъ съ давняго времени господствовало троеперстіе. Изъ приводимаго мною новаго свидѣтельства оказывается, что и въ западной части греческой церкви или патріархатѣ константинопольскомъ также было въ употребленіи двоеперстіе. Изъ соединенія новаго приводимаго мною свидѣтельства о двоеперстіи съ прежде извѣстными свидѣтельствами о немъ я и дѣлаю

заключеніе, что довольно продолжительное время двоеперстіе было повсюднымъ и общимъ у грековъ, и вовсе не нарушаю, какъ несправедливо обвиняетъ меня о. протоіерей, извѣстнаго логическаго положенія, что отъ частнаго не дѣлается заключенія къ общему.

Но о. протоіерей взвелъ на меня несправедливое обвиненіе совершенно безцѣльнымъ образомъ, т. е. безъ всякой пользы для себя. Положимъ, что изъ частнаго свидѣтельства о патріархатѣ константинопольскомъ я сдѣлалъ несправедливое заключеніе обо всей греческой церкви; это несправедливое заключеніе (котораго въ дѣйствительности я вовсе не дѣлалъ) было бы въ данномъ случаѣ не при чемъ (не шло бы къ дѣлу) и вопросъ собственно въ томъ: что говоритъ новое приводимое мною свидѣтельство о патріархатѣ константинопольскомъ? О. протоіерей находитъ, что приводимое мною новое свидѣтельство „оставляетъ очень немалое сомнѣніе въ томъ, что и въ одномъ Константинополѣ было ли употребляемо всѣми двоеперстіе“, что „на основаніи новаго свидѣтельства довольно сказать, что двоеперстіе употребляли *нѣкоторые* (курсивъ автора) въ Константинополѣ въ половинѣ XII вѣка и нѣтъ *никакихъ основаній* (курсивъ его же) утверждать, чтобы оно въ данное время имѣло болѣе широкое употребленіе“. Читатель знаетъ свидѣтельство, и пусть онъ судитъ самъ: насколько основательно и насколько справедливо понимать свидѣтельство въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какой хотѣлъ бы придавать ему о. протоіерей. Къ представителю константинопольской церкви обращаются съ вопросомъ: „для чего вы изображаете крестное знаменіе двумя перстами“: кто изъ людей, не заинтересованныхъ въ томъ, чтобы отрицать силу свидѣтельства, пойметъ вопросъ такъ, что въ немъ разумѣется употребленіе двосперстія только нѣкоторыми въ Константинополѣ, а не всѣми или по крайней мѣрѣ не большинствомъ съ представителями церкви во главѣ? Задававшему вопросъ яковитскому священнику не было никакого дѣла до нѣкоторыхъ въ Константинополѣ, для него важны были обычаи представителей церкви и послѣдовавшаго имъ большинства и онъ именно спрашиваетъ: для чего *вы изображаете* крестное знаменіе двумя перстами? Если бы двоеперстію во времена Феодорана не было господствующимъ въ

Константинополѣ, а было употребляемо въ немъ только нѣкоторыми, то Θεоріанъ такъ бы и отвѣчалъ, т. е. что двосперстіе употребляется въ Константинополѣ только нѣкоторыми, но не представителями церкви съ большинствомъ народа, между тѣмъ какъ онъ ясно и опредѣленно отвѣчаетъ: да, мы употребляемъ двосперстіе (*ὄβτα δροῖμεν*), только соединяемъ съ нимъ не тотъ смыслъ, который ты предполагаешь.

Не останавливаясь на томъ, чтобы придавать словамъ Θεоріана указанный ограниченныи смыслъ, о. протоіерей высказываетъ предположеніе, что Θεоріанъ употреблялъ для крестнаго знаменія тросперстіе, которое могло быть только принято сирскимъ священникомъ за двосперстіе (въ слѣдствіе того, что смотрящій на крестящагося видитъ его перстосложную руку совнѣ и при этомъ сложеными два перста, — указательный и большой средний, но не видитъ, въ какомъ положеніи находится палець): но это предположеніе крайне несостоятельно и само по себѣ, а во всякомъ случаѣ его совершенно устраняетъ (избавляя насъ отъ необходимости показывать его несостоятельность самого по себѣ) Θεоріанъ своими ясными словами, что константинопольскіе греки употребляли двосперстіе.

Какъ на возраженія противъ приводимаго мною новаго свидѣтельства о. протоіерей указываетъ: 1) на то, что Θεоріанъ усвоитъ двосперстію необычное значеніе, 2) что, говоря о двухъ перстахъ, онъ употребляетъ множественное, а не двойственное число. Если бы на основаніи сейчасъ указанныхъ возраженій о. протоіерей заявлялъ сомнѣніе въ подлинной принадлежности приводимаго мною свидѣтельства Θεоріану, тогда возраженія были бы для меня понятны; но такъ какъ онъ сомнѣнія не заявляетъ, то возраженія остаются для меня совершенно непонятными. Какое намъ дѣло до того, что Θεоріанъ усвоитъ необычное значеніе двосперстію и что онъ употребляетъ множественное число, а не двойственное? Для насъ важно и намъ нужно только то, что онъ совершенно ясно свидѣтельствуемъ объ употребленіи въ его время константинопольскими греками двосперстія. Что касается до значенія, которое усвоитъ Θεоріанъ двосперстію, то онъ говорилъ священнику: „не знаменуя два естества Христовы такъ дѣлаемъ мы (изображаемъ крестное

знаменіе двумя перстами), но, бывъ избавлены отъ мучительства діавола, мы научены творить противъ него ополченіе и брань, ибо руками содѣлываемъ мы правду, милостыню и прочія добродѣтели, и это есть ополченіе, а перстами, полагая на челъ печать Христову, мы составляемъ брань, и такимъ образомъ побѣждаемъ его и съ Давидомъ благословляемъ Господа, говоря каждый: *благословенъ Господь Богъ мой, научаяи руку мою на ополченіе и персты моя на брань* (Пс. 143, 1), ---не персть (подразумѣвается: какъ у вась-яковитовъ), по персты“. Почему Θεоріанъ не хочетъ признать, что православные выражали двумя перстами ученіе о двухъ естествахъ Иисуса Христа и даетъ двоеперстію новое толкованіе, сказать положительнымъ образомъ, разумѣется, мы не можемъ, а за вѣроятнѣйшее предполагаемъ, что онъ хотѣлъ избѣжать бесполезнаго спора съ сирскимъ священникомъ о томъ, хорошо или не хорошо выражается двоеперстіемъ православное ученіе о двухъ естествахъ Иисуса Христа ¹⁾. Что касается до употребленія Θεоріаномъ множественнаго числа вмѣсто двойственнаго, то пусть о. протоіерей смотритъ большія и хорошія греческія грамматики, и онъ найдетъ отвѣтъ на свой вопросъ или разрѣшеніе своего недоумѣнія.

Наконецъ, послѣдній аргументъ о. протоіеря противъ приводимаго мною новаго свидѣтельства есть тотъ, что „далеко неосновательная“ статья моя о перстосложеніи полна весьма слабыхъ заключеній, которыя я дѣлаю на основаніи однихъ предположеній. Но если бы и справедливо обвинялъ меня о. протоіерей въ томъ, что я наполнилъ свою статью весьма слабыми заключеніями: то и это нисколько не ослабляло бы силы приводимаго мной новаго свидѣтельства, потому что всѣ мои весьма слабыя заключенія нисколько не касались бы его или нисколько бы къ нему не относились. Приводя новое свидѣтельство, я только привожу его и не дѣлаю никакихъ заключеній, такъ какъ оно не нуждается ни въ какихъ заключеніяхъ, будучи само по себѣ совер-

¹⁾ О. протоіерей находитъ въ словахъ Θεоріана нескладницу; но это только придрвка съ его стороны (совершенно бесполезная для его цѣлей), а на самомъ дѣлѣ въ словахъ Θεоріана нѣтъ никакой нескладницы.

шенно яснымъ ¹⁾ (Отъ обвиненій въ слабыхъ заключеніяхъ, признавая ихъ несправедливыми, не считаю нужнымъ оправдываться, такъ какъ это не относится къ дѣлу).

О. протоіерей укоряетъ меня за то, что я принялъ прежнія свидѣтельства о двоенерстїи на вѣру, безъ собственной критической ихъ провѣрки и подвергаетъ ихъ своему разбору, съ цѣлію показать ихъ малозначительность. Я принялъ прежнія свидѣтельства не на вѣру, а если не даю въ своей статьѣ критической ихъ провѣрки, такъ потому, что не считалъ этого нужнымъ. Я не сдѣлаю этой провѣрки и теперь, чтобы опровергать разборъ о. протоіерея, потому что это повело бы меня очень далеко, а между тѣмъ для нашихъ цѣлей это вовсе не нужно ²⁾. Коль скоро мы признаемъ одно свидѣтельство Θεоріана, — а не признавать его невозможно, то для насъ однимъ этимъ свидѣтельствомъ вопросъ о перстосложенїи для крестнаго знаменїя несомнѣнно рѣшается въ томъ смыслѣ, что у грековъ константинопольскихъ, а за ними и у насъ-русскихъ, двоенерстіе старѣе троенерстія или что у нихъ и у насъ первое предшествовало второму. Невозможно представлять дѣла такимъ образомъ, чтобы у грековъ константинопольскихъ послѣ первоначальнаго единоперстія вошло въ употребленіе троенерстіе, чтобы троенерстіе смѣнено было двоенерстіемъ и чтобы потомъ оно опять принято было вмѣсто двоенерстія.

¹⁾ Невозможно отрицать того, что слова Θεоріана содержатъ ясное свидѣтельство о господствѣ въ Константинополѣ во второй половинѣ XII вѣка двоенерстія. Если бы Θεоріанъ не сдѣлалъ своего особаго толкованїя двоенерстія, то, можетъ быть, оставалось бы у него неяснымъ: о какомъ перстосложенїи онъ говоритъ, — для крестнаго знаменїя или благословенїя, такъ что желающіе могли бы разумѣть его слова о послѣднемъ: но въ своемъ особомъ толкованїи двоенерстія онъ ясно даетъ знать, что говоритъ о перстосложенїи для крестнаго знаменїя.

²⁾ Укажемъ о. протоіерею примѣръ того, какъ одно и то же свидѣтельство въ глазахъ людей предубѣжденныхъ и непредубѣжденныхъ можетъ имѣть совершенно различное значенїе. Онъ — о. протоіерей, будучи водимъ желанїемъ защитить древность троенерстія, признаетъ свидѣтельство Петра Дамаскина весьма неважнымъ; а издатели греческаго Идальона, не имѣющіе указаннаго желанїя, безъ всякихъ оговорокъ принимаютъ на основанїи свидѣтельства, что современные Петру греки (не только антиохійскаго патріархата, а все вообще) крестились двоенерстно, — 2-е примѣчанїе къ толкованїю 91-го правила Василїя Великаго.

Но не признавая возможнымъ представлять дѣло такимъ образомъ и находя, что свидѣтельства говорятъ о предшествующемъ троесперстію господствѣ у константинопольскихъ грековъ двоесперстія, необходимо, какъ это очевидно, представлять дѣло такимъ образомъ, что первоначальное единоперстіе смѣнилось въ Константинополѣ двоесперстіемъ и что только уже послѣ двоесперстія водворилось въ немъ троесперстіе. А если это такъ и если мы положительно знаемъ, что двоесперстіе господствовало въ Константинополѣ по крайней мѣрѣ до 1172-го года (въ которомъ Оеоріанъ вель вторыя собесѣдованія съ армянами), то изъ сего необходимо будетъ слѣдовать, что и мы-русскіе заимствовали первоначально отъ грековъ константинопольскихъ двоесперстіе.

Итакъ, совершенно ясное свидѣтельство Оеоріана, что во второй половинѣ XII вѣка у грековъ константинопольскихъ господствовало двоесперстіе, нисколько не опровергнуто о. протоіереемъ Виноградовымъ, ибо вовсе и не могло быть опровергнуто. А изъ свидѣтельства необходимо слѣдуетъ, что у грековъ константинопольскихъ, а за ними и у насъ-русскихъ, двоесперстіе старѣе троесперстія.

Но если это такъ, то я съ своимъ указаніемъ новаго свидѣтельства о двоесперстіи не нанесъ ли вреда нашей полемикѣ съ старообрядцами? Отвѣчаю на вопросъ: 1) что съ указаніемъ какого бы то ни было свидѣтельства я не могъ нанести вреда полемикѣ съ старообрядцами, 2) что во всякомъ случаѣ съ моимъ указаніемъ даншаго свидѣтельства о двоесперстіи я не нанесъ ей ни малѣйшаго вреда. Наша полемика съ старообрядцами есть защищеніе и оправданіе противъ нихъ произведеннаго патр. Никономъ исправленія церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ. Но исправленіе книгъ, чиновъ и обрядовъ, произведенное патр. Никономъ, было дѣломъ вполне законнымъ и совершенно благословнымъ; а противъ того, что вполне законно и совершенно благословно, не можетъ быть найдено свидѣтельствъ (могутъ быть найдены свидѣтельства только противъ неправильныхъ представленій о дѣлѣ, какъ это уже и случилось и о чемъ я говорилъ въ моихъ статьяхъ: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, напечатанныхъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ прошлаго года). Во всякомъ случаѣ, повторяю, я не нанесу ни малѣйшаго вреда нашей полемикѣ

съ старообрядцами указаніемъ своего новаго свидѣтельства о двоеперстіи. Несомнѣнно, что двоеперстіе старѣе троеперстія: но что изъ этого слѣдуетъ въ его пользу? Совершенно ничего не слѣдуетъ, напротивъ изъ этого слѣдуетъ именно то, что перстосложеніемъ для крестнаго знаменія должно быть у насъ не оно, а троеперстіе. Церковно-богослужебные чины и благочестивые христіанскіе обычаи явились не такимъ образомъ, чтобы заразъ во всей полнотѣ даны были апостолами и чтобы со времени апостоловъ они остались навсегда неизмѣнными, а такимъ образомъ, что на весьма незначительной основѣ, положенной апостолами, они постепенно слагались и образовывались, переходя отъ формы къ формѣ, или отъ вида къ виду, и отъ объема къ объему, пока наконецъ не остановились въ образованіи, чтобы оставаться на дальнѣйшее время неизмѣнными. Такъ было съ чиномъ литургіи и съ чинами всѣхъ прочихъ общественныхъ и всѣхъ частныхъ службъ; такъ было напр. съ благочестивымъ христіанскимъ обычаемъ постовъ: такъ было и съ обычаемъ полаганія на себѣ крестнаго знаменія. Въ какой же формѣ мы должны содержать чины и обычаи,—въ какой либо изъ формъ бывшихъ и оставленныхъ или же въ той, на которой каждый изъ нихъ остановился окончательно? Если растолковать дѣло какъ слѣдуетъ самому тупому раскольнику, то, конечно, и онъ не отвѣтитъ на вопросъ, что должно содержать чины и обычаи въ одной изъ формъ прежде бывшихъ и потомъ оставленныхъ. Возьмите чинъ литургіи: въ какомъ видѣ содержать её сами старообрядцы.—въ томъ ли прежнемъ, какой она имѣла во 2-мъ, 4-мъ вѣкѣ и т. д., или въ томъ окончательномъ, который она получила только въ весьма недавнее сравнительно время? Они содержатъ её, равно какъ и всѣ другія чинопослѣдованія, не въ какой либо изъ прежде бывшихъ и потомъ оставленныхъ формъ, а въ ея окончательной формѣ. Тоже самое требованіе, тоже самое правило или тотъ же самый законъ употреблять перстосложеніе для крестнаго знаменія не которое либо изъ бывшихъ и оставленныхъ, а которое осталось навсегда, вполне прилагается и къ обычаю полагать на себѣ крестное знаменіе. Сначала было въ обычаѣ не перстосложеніе, а единоперстіе, потомъ сложеніе двоеперстное и наконецъ троеперстное: ясно, что

мы должны содержать не двосперстіе, которое было и оставлено, а троесперстіе, которое принято окончательно всюю церковью. Двосперстіе дѣйствительно древнѣе троесперстія, но если старообрядцы въ отношеніи къ обычаямъ настаиваютъ на этомъ положеніи, что древнѣйшее есть правильнѣйшее, такъ пусть они употребляютъ не двосперстіе, а единоперстіе, которое несомнѣнно древнѣе двоесперстія; пусть они кладутъ на себѣ не большой крестъ, начертываемый на челѣ, груди и плечахъ, а малый, начертываемый на одномъ челѣ, ибо несомнѣнно, что второй крестъ предшествовалъ первому и былъ въ обычаѣ значительно долгое время прежде него. У насъ въ Россіи отчасти по особымъ обстоятельствамъ, отчасти случайнымъ образомъ, — что я разъясняю въ своей статьѣ о перстосложеніи, двосперстіе не уступило мѣста троесперстію, какъ бы этому надлежало быть у насъ въ слѣдъ за греками, а и послѣ водворенія у грековъ втораго, осталось господствующимъ, давъ второму только нѣкоторое мѣсто. Но это было или это случилось какъ нарушеніе того правила или взгляда (въ нарушеніе того принципа), что въ богослужебныхъ чинахъ, обрядахъ и обычаяхъ мы - русскіе должны быть согласны съ греками ¹⁾. Водясь этимъ взглядомъ (принципомъ), патр. Никонъ предпринялъ исправленіе нашихъ богослужебныхъ чиновъ, обрядовъ и обычаевъ: водясь этимъ взглядомъ (принципомъ) и дѣлая именно то, что и должно было сдѣлать, онъ замѣнилъ у насъ двосперстіе троесперстіемъ.

О. протоіерей не инсинуируетъ противъ меня прямо, будто свою статью о перстосложеніи я написалъ въ пользу старообрядцевъ, какъ позволилъ себѣ весьма некрасивымъ образомъ инсинуировать это противъ меня по поводу всѣхъ моихъ статей: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ другой профессиональный представитель противустарообрядческой полемики ²⁾; однако онъ говоритъ, будто „въ общемъ у меня замѣтно желаніе доказать древность употребленія двоесперстія“, т. е. будто я не просто указываю свидѣ-

¹⁾ Объ этомъ принципѣ я нарочито говорю въ моихъ статьяхъ: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“.

²⁾ Не затруднившійся додумать меня мелкими выходками смѣшного свойства.

тельства, говорящія о древности двоеперстія, по намѣренно хочу и стараюсь доказать эту древность, при чемъ, конечно, дается авторомъ подразумѣвать читателю, что мою заботу составляетъ интересъ не православныхъ, а старообрядцевъ. Въ виду инсинуаций прямыхъ и непрямыхъ считаю умѣстнымъ кратко отвѣтить здѣсь на вопросъ: зачѣмъ я писалъ свои статьи: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ и въ частности—за чѣмъ я писалъ статью о перстосложеніи. Я писалъ инкриминируемыя статьи не въ интересѣ старообрядцевъ, а напротивъ въ интересѣ нашей православной полемики съ старообрядцами. Наша полемика съ старообрядцами основывается на церковной греко-русской археологіи. Противустарообрядческіе полемисты изучаютъ археологію какъ средство для своей цѣли; но есть у насъ профессиональные и непрофессиональные археологи, для которыхъ археологія служитъ не средствомъ, а цѣлію, которые изучаютъ ее для нея самой, безъ всякаго отношенія къ полемикѣ и безъ всякой заботы о сей послѣдней. Этими археологами нашими пролить въ послѣднее время на исторію богослуженія и богослужебныхъ обрядовъ новый свѣтъ, при которомъ оказывается, что наша полемика съ старообрядцами должна быть поставлена нѣсколько иначе, нежели какъ она поставлена до сихъ поръ. Такъ вотъ, указаніе необходимости нѣсколько иной постановки полемики противъ нынѣшней и показаніе, въ чемъ именно должна состоять эта иная постановка, и составляли мою цѣль при написаніи моихъ статей. Никто не станетъ отрицать возможности появленія между старообрядцами человѣка, подобнаго Андрею Денисову. Но явился такой человѣкъ, то онъ, пользуясь свѣдѣніями нашей археологіи и такъ сказать съ нашими же книгами въ рукахъ, заставилъ бы насъ измѣнить постановку полемики противъ старообрядцевъ. Не дожидаясь, чтобы это случилось и чтобы насъ принудили къ перемѣнѣ постановки полемики, а находя по всякимъ соображеніямъ и побужденіямъ, что это гораздо лучше сдѣлать намъ самимъ, я и рѣшился написать мои статьи. Что касается въ частности до статьи о перстосложеніи и именно до указанія мною въ ней новаго свидѣтельства о двоеперстіи, то я указалъ на свидѣтельство, которое, не будь указано мной, могло быть указано другими, съ тою цѣлію, чтобы заста-

вить полемистовъ нашихъ отказаться отъ защиты мнѣнія, которое оказывается ошибочнымъ, такъ какъ съ этою защитою мнѣнія, оказывающагося ошибочнымъ, они становятся въ фальшивое положеніе.

Свидѣтельство Θεоріана о двоеперстїи совершенно ясно и никакъ не можетъ быть ослаблено или перетолковано. Напоминая о. протоіерею о прежнихъ печальныхъ примѣрахъ упорнаго непризнаванія профессиональными противураскольничьими полемистами того, что было дознано и признано учеными, не имѣющими отношенія къ профессиональной полемикѣ ¹⁾, подаемъ ему (вмѣстѣ съ другими профессиональными полемистами) нашъ искренній совѣтъ перемѣнить мнѣніе. Въ этомъ случаѣ онъ (съ другими) послѣдуетъ благому примѣру покойнаго высокопреосвященнаго Макарія, который поступалъ именно такъ, чтобы, не колеблясь и не упорствуя, отказываться отъ мнѣній, которыя оказывались ошибочными ²⁾.

Е. Голубинскій.

¹⁾ Разумѣемъ непризнаваніе подлинности Стоглава, признаваніе такъ называемаго Малаго проскинитарія или Статейнаго списка Арсенія Суханова за раскольничій подлогъ, увѣренія, будто заводчики раскола были справщиками книгъ при патр. Іосифѣ.

²⁾ А что касается до высокаго и увѣреннаго тона, который держитъ о. протоіерей въ своей статьѣ, то мы укажемъ ему на печально-поучительный примѣръ высокаго и увѣреннаго тона, который въ подобномъ случаѣ держалъ покойный Добротворскій. Въ предисловіи къ изданію Стоглава Добротворскій писалъ; „Всѣ болѣе важныя вопросы о Стоглавѣ уже рѣшены; теперь никто, кромѣ самыхъ темныхъ людей, не станетъ считать его ни канонической книгой православнои русской церкви, ни подлинными—неповрежденными актами самаго собора; изслѣдовано, дознано и доказано, что крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, что эта книга составлена кѣмъ-нибудь, можетъ быть даже членомъ Стоглаваго собора, но уже послѣ собора“ и пр. А что было за этими высокими и увѣренными рѣчами?... Что было, про то о. протоіерей, конечно, знаетъ...